

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Алексея Пехова
в «Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»

**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Алексей ПЕХОВ

**ПОД ЗНАКОМ
МАНТИКОРЫ**

Роман

Москва, 2014

ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2004 году
Выпуск 20

Художник
О. Юдин

Пехов А. Ю.
П23 Под знаком мантикоры: Фантастический роман.—М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014.—484 с.: ил.—
(Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-0174-1

Когда над страной нависла угроза, когда оживают страницы древних сказаний и трон королевства уже не так прочен, как раньше,— происходит загадочное убийство маршала кавалерии Таргеры. Это первое звено в головоломной цепи событий, в которые по воле судьбы оказывается вовлечен капитан контрразведки маркиз Фернан де Суоза, на чью долю выпало расследовать это непростое дело. Как распутать клубок загадок и узнать тайну, приведшую в движение столь великие силы? Что поможет не оступиться с выбранного пути, а что можно отбросить — долг, веру, честь дворянина или, может быть, память о прошлом?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0174-1
© Пехов А. Ю., 2004
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2004

Автор благодарит Алексея Покровского, Анастасию Парфенову, Веру Камшу, Елену Бычкову, Игоря Шауба, Михаила Федорова, Наталью Турчанинову и Ольгу Громыко. Без их неоценимого внимания и помощи эта книга никогда бы не появилась на свет

*Posta di coda lunga a distesa*¹

«...Дали Они нам Знание, и стали мы называть Их Учителями, а Они нас учениками. И было так. И в двадцать седьмой день месяца...»

Строчки текли легко и ровно. Ему было не привыкать писать, Себастьян занимался этим уже более сорока лет, еще до встречи с Учителями.

Закончив абзац, он отложил перо и, поморщившись, закрыл ладонями глаза. Неприятная резь и слезотечение — вот главная награда любого хрониста, особенно если работать приходится постоянно, да еще и при свете свечи. На сегодня хватит. Рукопись может подождать до завтрашнего утра, иначе пытка для глаз и спины станет попросту невыносимой и он не сможет взяться за перо еще несколько дней. А для человека, который взял на себя обязанность вести историю жизни двух Учителей, подобное недопустимо.

Себастьян, кряхтя, встал со стула и, выбравшись на маленький балкончик, полной грудью вдохнул пьянящий аромат ночи. Пахло остывающими после дневной жары камнями, персиковым ароматом кальяна и морем. Город Иштака погружался в сон, наслаждаясь ночной прохладой. Старый хронист посмотрел на горизонт, туда, где не было городских огней и царил мрак пешханской пустыни.

Внизу раздались голоса. Терзаемый любопытством, Себастьян перегнулся через ажурные балконные перила и посмотрел в сад. Открывшееся его взору зрелище поразило до

¹ Стойка длинного и вытянутого хвоста — провоцирующая стойка. Из нее можно завязать и развить весь бой.

глубины души. Он увидел то, чего попросту не могло быть. Это не укладывалось в голове, казалось неестественным, нелепым и неправильным. Всегда мудрые, всегда спокойные и уравновешенные Учителя спорили, словно двое самых что ни на есть обычных людей. Это происходило, как видно, уже давно, ибо говорили они резко и раздраженно, едва не срываясь на крик. Младший из них — высокий, темноволосый мужчина в белоснежном одеянии паломника — сидел на низком диванчике, скрестив ноги. Черные брови были нахмурены так, что сошлись у переносицы. Его старший собеседник — худощавый, длинноволосый и голубоглазый — мерил маленькую площадку широкими и нервными шагами. Глаза его лихорадочно блестели.

В запале ссоры двое не видели и не чувствовали затаившего дыхание человека. Старый хронист, холодея сердцем, вслушался в беседу двух братьев. Тех, кого он и Избранные привыкли именовать Учителями.

— Ты не понимаешь!

— Нет. Это ты не понимаешь! — воскликнул сидевший. — То, что ты предлагаешь, — безумие!

— Это обессмертит нас! Неужели ты не хочешь, чтобы о нас помнили в веках?!

— Хочу! Но не такой ценой! Тебе мало того, что ты имеешь? Ты мечтаешь слишком о многом!

— Я делаю это для людей! — Старший брат остановился.

— Нет, ты хочешь сделать это ради собственного тщеславия! Люди никогда не поймут и не простят тебя, если узнают правду.

— Люди слабы и беспомощны.

— О нет! Они достаточно сильны для того, чтобы принять знание.

Себастьяну мучительно захотелось отступить обратно в полумрак комнаты. Но предчувствие того, что этот разговор может закончиться бедой, удержало его на месте. Хронист вытер ладонью вспотевший лоб. Тихая иштакская ночь стала отчего-то слишком душной...

Часть I REPRISE¹

ГЛАВА 1

Si putas in proelio ictus a tergo solam esse vincendi rationem, eo utere.

*Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi*²

— А, валаи! — выругался Бето, когда его лошадь в очередной раз поскользнулась, присела на задние ноги — и он едва не загремел с седла в особенно глубокую и мерзкую лужу.— Искуситель бы побрал эту клятую погоду, сеньор! И эту поганую клячу!

— Эта «кляча», мой дражайший лентяй, лучших нельпских кровей,— хмыкнул тот, кого Бето назвал сеньором.

— Простите мою дерзость, сеньор, но что-то это не очень заметно! Она упряма, как мул! — На заросшей щетиной физиономии промелькнуло истинное огорчение.— Как только мы вернемся в Эскарину, сдам ее мяснику!

— Между прочим, она стоит сорок пять этудо.— Кажется, желание слуги избавиться от столь хорошей лошади очень позабавило его спутника.

— Да? — Бето, явно не ожидавший такого поворота дел, нахмурился и с сомнением почесал огромный нос.— Ну и пусть!

— Дело твое.— Фернан едва заметно пожал плечами.— Можешь продать ее мяснику или подарить, можешь проиграть в кости. Я возражать не буду.

— Спасибо, сеньор! — Кажется, Бето был крайне удивлен такой покладистостью своего господина.

¹ Р е п р и з а — вздвоенная атака (фр.).

² Если считаешь, что в бою удар в спину — это единственный способ победить, пользуйся! (Джованни Тече. Мастер фехтования).— *Здесь и далее перевод на латынь И. Ю. Шауба.*

— Но учти. Впредь ты будешь ходить пешком, а сорок пять этудо я удержу из твоего жалованья,— все таким же безразличным тоном продолжил Фернан.

Услышав последнюю фразу, Бето погрузился, вновь почесал нос и задумался. Несколько минут прошли в молчании. Наконец слуга соизволил сделать выводы:

— Сеньор...

— Да? — Фернан отвлекся от своих мыслей и посмотрел на прохиндея.

— Я тут подумал и решил, что такая замечательная животи́на — слишком жирно для мясника. Валаи! Бедняжка не виновата, что дорога скользкая! Это все распроклятый дождь! Именно из-за него такая грязь! Я решил не продавать ее. Вот!

— Мудрое решение, Бето.— Фернан едва сдержал улыбку.— А теперь будь любезен помолчать. Прежде чем мы доедем до Арреды, мне надо подумать.

Слуга поспешно кивнул, сплюнул, едва слышно пробормотал себе под нос привычное «валаи» и замолчал. Теперь уже надолго. Иногда он вертел головой и с огорчением пятилетнего ребенка разглядывал местность, куда его забросила нелегкая судьба. От Эскарины — столицы Таргеры — до территории, по которой сейчас ехали двое всадников, было чуть больше пяти часов езды, но разница между расположенным у Сарейского моря городом и этой дырой была разительной. Сплошные холмы и леса. Ни открытого пространства, ни моря. Одно слово — провинция.

Ночью здесь прошел сильный дождь, и дорогу, вьющуюся по склонам пологих холмов, которые до самых вершин заросли дьябрями дикого винограда, развезло. Даже жаркое послеобеденное солнце так и не смогло высушить огромные лужи и привести тракт в надлежащий вид. Жирная рыжеватая грязь противно чавкала под копытами лошадей и заставляла всадников быть начеку. В любой момент животные могли поскользнуться, и люди, решившие отправиться в столь странную прогулку по ненадежной дороге, старались придерживать своих коней. Из-за этого Фернан уже опаздывал на час. Если не на два.

Спустя какое-то время холмы остались позади — и всадники въехали в небольшую долину. Быстрая речка, маленькая сонная деревушка. Ничего примечательного. Лишь шпили небольшого охотничьего замка, расположенного на дальней око-

нечности долины, немного оживляли пасторальный пейзаж. Фернан посмотрел на замок, удовлетворенно кивнул и ударил лошадь в бока каблуками сапог. Бето вновь пробормотал «ва-лаи!».

Дорога была сухой, не то что во время путешествия через холмы, и скорость всадников заметно увеличилась. Через деревушку они пролетели, словно горячий августовский ураган, что иногда обрушивается на Таргеру, преодолев Сарейское море.

— И какой Искуситель¹ дернул сеньора покойника, сохрани Спаситель его светлую душу, так далеко забраться от столицы? — пробормотал Бето и вновь сплюнул.

Фернан ему не ответил. Замок назывался Арреда и был построен лет двести тому назад тогдашним королем. Небольшой, аккуратный, почти игрушечный, Арреда не был приспособлен для обороны. Никто не собирался пережить нападение врагов за тонкими, невысокими стенами или в двух изящных, но совершенно не приспособленных для боя башенках. Охотничий замок — вот его второе название. Раньше тут очень любили останавливаться короли, благо здесь их всегда ожидала славная охота на ланей и лесных котов. Но короли имеют премерзкое свойство умирать или быть умерщвленными. Предку нынешнего короля не повезло. Как раз во время охоты в окрестностях этого замка он получил арбалетный болт в шею и приказал долго жить. Стрелка не нашли, а безутешная вдовствующая королева так невзлюбила место, возле которого погиб ее муж, что передала эту нелюбовь своим детям. Ни один король Таргеры больше ни разу не приезжал в Арреду, и, так как замок в общем-то стоял без дела, его быстро подарили за какие-то заслуги одному из военачальников рода де Турисано.

Так что сейчас эта затерянная меж холмов провинции Нуорра игрушка принадлежала одному из потомков де Турисано, а если быть точным, то Мигелю де Турисано графу Майдельскому, командующему «Ураганными головами», маршалу кавалерии Таргеры, носителю ордена Святого Антония и прочая, прочая. И как это ни прискорбно звучит, граф Майдельский вот уже часов шестнадцать как был покойником. Именно это досадное обстоятельство и заставило Фернана ран-

¹ Образное выражение. Синоним злых людей, убийц, душегубов.

ним утром покинуть столицу и направиться в замок, чтобы лично убедиться в смерти столь известной в высших военных кругах Таргеры личности.

Они проехали мимо стен, сложенных из желтого камня, и оказались у распахнутых ворот.

— Это...— Бето выглядел настолько озадаченным, что даже забыл выругаться.— А где все, сеньор?

— Сейчас узнаем.

Они въехали во двор и сразу же увидели карету, запряженную четверкой ослепительно белых лошадей. На дверцах был изображен крест Спасителя, и набожный Бето не преминул перекреститься и прошептать быструю молитву. Крест был не белого, а бордового цвета. Фернан лишь едва заметно опустил уголки губ и даже не озаботился помянуть Спасителя. Сеньор де Суоза не очень-то любил Орден отцов-дознавателей Святой Церкви. У маркиза люди, облаченные в бордовые рясы и имеющие дело с магией, пускай она хоть трижды является даром Спасителя, вызывали стойкую антипатию.

Нет, конечно, сеньор де Суоза понимал, что Орден крови Бриана нужен и стране и Церкви, понимал, что магия всего лишь инструмент, но вот только этот инструмент оказался совсем не в тех руках... Попросту говоря, сеньор де Суоза не слишком одобрял догматы, коими Святая Церковь в лице отцов-дознавателей выжигала ересь, семя Искусителя и все то, что мешало клирикам жить на широкую ногу. По мнению Фернана, за последние два столетия Святая Церковь уж слишком часто стала лезть в дела мирские, а в особенности политические. Больше всего в этом усердствовал Орден крови Бриана. Священники в бордовых рясах совали свой нос во все дыры.

Кардинал Таргеры тоже был выходцем из Ордена крови Бриана. Ранее небывалый случай, чтобы отец-дознаватель принял на себя кардинальские регалии, а теперь пожалуйста, никого этим уже не удивишь. Фернану не было дела до внутренних склок церковников. Пускай «бордового» хоть Папой сделают, ему все равно. Куда больше маркиза тревожил другой Орден, который клирики называли не иначе как Карающим Клинком в руках Спасителя или «серыми» монахами, а народ — «гарпиями». Эти были настоящими фанатиками, и слава богу, что Орден был малочисленным. Но, похоже, последнее обстоятельство клириков нисколько не смущало. Своим фа-

натизмом «серые» иногда пугали даже «бордовых» братьев, не говоря уже о других многочисленных церковных орденах Таргеры. «Гарпии» были готовы сжечь любого, кто не поминал Спасителя по сто раз на дню и не чтит церковных постов. Но это так, мелочи. Ну подумаешь, сожгли на костре пару еретиков. Делов-то! Авось Таргера еретиками не оскудеет — и отцам-дознавателям еще найдется работа.

Куда страшней было совсем другое — шестьдесят лет назад возникшая в Ордене крови Бриана Таргеры палата «гарпий» очень напористо и грамотно начала рваться к власти. Святые отцы уже умудрились основать свой Орден. Что будет дальше? Пока «бордовые» еще владеют ситуацией, но кто поручится, что года через два «серые» не займут главенствующее положение в таргерской Церкви? В отличие от братьев других церковных орденов все входящие в Орден «гарпий» обладали Даром. Магией. Спаситель к ним явно благоволил.

Они могли посоперничать со своими «бордовыми» братьями и были раза в три сильнее клириков из других орденов. Чего в этом мире до сих пор не хватало, так это святош-фанатиков, у которых руки так и чешутся, дабы применить Дар отнюдь не в мирных целях! Случись так, что «умные» головы решат бросить «гарпий» в бой... если в битвах начнут использовать магию, подаренную Церкви Спасителем... Нет! Положительно лучше об этом не думать! Что будет с единой Церковью, если святоши вражеских стран начнут бросать в головы друг друга сияющие копья истинного света? Раскол и столько крови, что любая война — даже великие походы предков на восток во славу Спасителя покажутся незначительными стычками. Папа не мог не знать, какую опасность представляют «серые», но пока ничего не предпринимал. Выжидал. На взгляд сеньора де Суоза, убивать дракона надо, пока он маленький и не умеет плевать огнем, иначе тварь вырастет и будет поздно.

Все эти мысли за долю секунды пронеслись в голове Фернана.

— Валаи! Видать, дело плохо, если «бордовые» приехали, а, сеньор?

— Скоро увидим, насколько все плохо.

Как и следовало ожидать, карета была пуста. Зато у входа в дом стояли люди. Двое. Кирасы, короткие алебарды стражников. По расцветке мундиров он заключил, что эти двое из

гарнизона Эскарины. К тому же стражники были не простые, а из жандармерии¹. Далеко же их занесло! Увидев вновь прибывших, люди прервали разговор. Не доезжая до них ярдов десять, Фернан спешился, передал поводья слуге и медленно пошел в сторону стражников. Те с интересом и явным любопытством изучали идущего к ним дворянина.

Сеньора Фернана вряд ли кто осмелился бы назвать красавцем. Слишком резкие, угловатые черты лица. Тонкие губы, высокие, будто вырубленные палашом скулы, холодные голубые глаза, бледная кожа. Волосы, брови, прямые усы и маленькая аккуратная светлая бородка. В Таргере, где основная масса населения смугла и черноволоса, блондины встречались достаточно редко. Фернан был худощав, жилист, гибок. Но отнюдь не слаб. Двигался он легко и непринужденно, с грацией танцовщика зажигательной ральеды или опытного фехтовальщика.

Его невысокий рост служил причиной едких, а порой и ядовитых замечаний при дворе. Впрочем, замечания как-то разом прекратились, когда прогремели четыре дуэли с излишне резкими насмешниками. После трех поединков злопыхателей уносили с поляны под отходную молитву священника вперед ногами. В последнем бою не в меру говорливый бретер просил прощения у сеньора Фернана, стоя на коленях. Впрочем, ему ничего другого не оставалось — с приставленной к горлу шпагой не поспоришь. С тех пор с невысоким блондином предпочитали не связываться, а если и злословили по поводу его маленького роста, то тихо и тайно.

Всегда подтянутый, опрятно одетый, прекрасно умеющий скрывать свои эмоции от окружающих под маской спокойствия, а иногда и высокомерия, сеньор Фернан был нелюбим двором. Он не очень-то из-за этого расстраивался и платил разодетому скопищу придворных лизоблюдов тем же.

— Я приехал по делу графа Майдельского.

— Сеньор, к сожалению, граф сейчас не может никого принять. — С дворянином стражник старался быть вежливым. — Нам сказано никого не пропускать, сеньор. Простите.

— Мне не нужен граф. Сейчас мне будет достаточно увидеться с тем, кто здесь распоряжается. Не могли бы вы быть

¹ Аналог городской милиции, но разбирается с делами и преступлениями в военных кругах. Относится к армейским частям. — *Здесь и далее примеч. автора.*

столь любезны и освободить дорогу? — Фернан позволил себе едва заметную улыбку.

— Сеньор...— начал было стражник, но его товарищ, который до этого момента молчал, наконец-то догадался повнимательней рассмотреть одежду подошедшего к ним дворянина и теперь отчаянно пихал своего напарника локтем в бок.

Дорожный костюм мышинового цвета, шляпа и перо серой расцветки, витая серебряная цепь очень тонкого, тройного плетения. Короткий серый плащ удерживался на плечах с помощью застежки. Широкий пояс, отличная шпага со сложной витой гардой. Картину довершала серьга в левом ухе сеньора. Как видно, именно продолговатый изумруд привлек первоначальное внимание стражей, и они не сразу обратили внимание на маленький серебряный значок, приколотый к костюму. А обратить на него внимание следовало в первую очередь.

Значок изображал маленькую ящерку с шестью лапами и головой петуха. Василиск.

Говоривший стражник осекся на полуслове, вытаращил глаза, как будто опасаясь, что василиск сейчас оживет. В разговор пришлось вступать второму жандарму:

— Простите, сеньор! — Алебарды разошлись как по мановению руки.

— Возьмите лошадей у моего слуги,— бросил Фернан, проходя мимо.

— Конечно, сеньор.

— Бето, присмотришь.

Слуга кивнул, и Фернан, удовлетворенно кивнув в ответ, вошел в замок. Быть может, Бето Нос чересчур любит ныть и ругаться, быть может, он слишком часто играет в кости и вообще прохиндей, каких свет не видывал, но, когда надо, слуга становился незаменимым помощником в делах самого разного рода. В том числе таких, где надо подмечать то, что обычный человек никогда при всем желании не заметил бы.

Фернан уже прошел половину широкой, увешанной головами оленей галереи, когда его догнал один из жандармов:

— Сеньор!

Он обернулся:

— Не беспокойся, твоя помощь мне не понадобится. Я найду дорогу. Лучше присмотри за моими лошадьми.

Стражник поспешил назад.

Маркиз лишь усмехнулся, покачал головой и направился своей дорогой, поочередно заглядывая в каждую комнату первого этажа. В шестой по счету комнате он обнаружил людей. Один смотрел в окно, другой перебирал книги, стоящие в большом шкафу. Заслышав шаги, оба обернулись.

— Господа.— Фернан отвесил едва заметный поклон.

— Что вы здесь делаете, сеньор?! — резко бросил тот, что стоял у окна.— Я приказал страже никого не пускать!

Мундир и нашивка старшего следователя жандармерии делали этого пузатого субъекта излишне самоуверенным. Возмущенно раздувая щеки, человек направился к Фернану. Второй вновь занялся изучением книг. Следователь заметил серебряного василиска. Вся самоуверенность и праведный гнев мигом исчезли. Он поспешно и несколько нервно стал застегивать верхнюю, расстегнутую из-за жары пуговицу мундира и постарался вытянуться по стойке «смирно» (что благодаря внушительному животу выглядело довольно забавно).

— Оставьте. Это ни к чему,— поморщился Фернан.— Вы здесь главный?

— Да, сеньор! Старший следователь жандармерии третьего участка Эскарины Хорте.— Толстяк несколько расслабился и перестал потеть.

— Хорошо, господин Хорте. Вы проведете меня к покойному?

— Всенепременно, сеньор...

Его невысказанный вопрос повис в воздухе.

— Де Суоза. Фернан Руис де Суоза маркиз де Нарриа, капитан «василисков»,— милостиво соизволил назваться Фернан.

— О! Мы ждали вас, но не думали, что так скоро. После грозы дороги просто ужасны. Прошу вас.

«Василиск» направился за господином Хорте. Тот вывел его в галерею, увешанную оленьими головами. Следуя за жандармом, вот уже в который раз в жизни маркиз не переставал удивляться, какой эффект оказывал знак «василиска» на некоторых людей, носящих военную форму.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Контрразведка среди военных была весьма... нелюбима. Их иногда... как бы это помягче сказать?... Боялись. Боялись до дрожи в коленках, до потных мундиров и мокрых штанов.

Слава у «василисков» была самая дурная. И вполне заслуженная. Методами своей работы в розыске шпионов, затесавшихся в ряды славной армии Таргеры, контрразведчики иногда переплывали даже отцов-дознавателей Ордена крови Бриана. А это о чем-то говорило. Застенки, в коих держали подозреваемых, были ничуть не хуже застенков Церкви.

Впрочем, контрразведчики занимались не только тем, что ловили тех, кто выведывал государственные тайны для врагов государства. Люди, носившие на одежде серебряных ящериц, выводили на чистую воду врагов Таргеры, паршивых овец, затесавшихся в ряды армии. Начиная с мелкого капрала, продавшего продукты гарнизона торговцу, и заканчивая генералами, задумавшими предать родину. Тех, кто искал врагов среди своих, боялись, ненавидели и... терпели. Потому что методы, которые иногда использовались, полностью себя оправдывали. Шпионы выявлялись, продажные вояки отправлялись на рудники, заговоры раскрывались, и целостность армии и страны оставалась неприкосновенной.

Хорте свернул с галереи на широкую, покрытую дорогим пешанским ковром лестницу. Они поднялись на второй этаж, прошли мимо настежь распахнутых дубовых дверей и оказались в большой, ярко освещенной комнате. Фернан увидел, что одно из трех окон было разбито и легкий сквозняк играл с краем белой занавески. Камин, медвежья шкура на полу. На стене головы кабана, оленя и, судя по размеру, птенца грифона. Часть стены возле камина отчего-то была закрыта широким куском красного атласа. Фернан бросил на тряпку удивленный взгляд. Скатерть? Но что она делает на стене?

Между головой оленя и кабана — герб рода де Туриссано (лошадиная подкова под яблочным деревом), сложенный из кусочков оленьих рогов. Напротив чучела медведя — доспехи. Все остальное место в комнате было занято точно такими же книжными шкафами, как и в комнате, где Фернан обнаружил следователя военной жандармерии. В помещении находились трое. Судя по неброской, ничем не выделяющейся одежде и шляпам без перьев — младшие следователи.

— Оставьте нас, господа,— сказал маркиз. Взгляд его уже был прикован к столу, стоящему недалеко от окна кабинета.

Следователи с удивлением посмотрели на Хорте, но тот сделал страшные глаза и кивнул.

Мигель де Туриссано лежал на полу рядом со столом, тут же валялось перевернутое кресло, разбитый бокал и разбросанные бумаги. Как и сообщили утром Фернану, сеньор де Туриссано действительно был мертв. Ибо не жилец тот, у кого в спине торчит кинжал. Де Суоза поджал губы. Кажется, в некоторых государственных кругах начнется большая буря.

Он присел рядом с телом и, не дотрагиваясь до него, внимательно осмотрел. Судя по всему, покойник явно не ожидал удара в спину. Впрочем, о чем это он? Удара в спину никогда не ожидаешь. Тем он и прекрасен. Глаза графа Майдельского были открыты. Из угла рта, как видно, текла кровь, теперь она запеклась в черной бороде. Маршал лежал на левом боку. Как ни странно, на бархатном халате почти не было крови, правая рука прижата к боку. В ней кинжал. Судя по всему, перед смертью покойный достал клинок из-под халата, но воспользоваться им, увы, не успел. Фернан взгляделся в лицо убитого. Он встречался с сеньором де Туриссано пару раз на королевских приемах, но, естественно, не общался. Не тот вес.

— Хорте,— Фернан встал,— вы ведете расследование?

— Да.

— Вы трогали тело?

— Нет, сеньор. Его так и нашли.

— Кто нашел? — Фернан внимательно осматривал комнату.

— Слуга.

— Давайте по порядку, Хорте,— вздохнул сеньор де Суоза, снял перчатки, затем расстегнул застежку, удерживающую плащ.— Торопиться нам некуда.

— Покойного обнаружил слуга около пяти часов утра сегодняшнего дня,— послушно стал докладывать следователь.— Он забеспокоился, что в окне хозяина горит свет, обычно граф очень рано ложился спать, и пришел проверить, не случилось ли чего. Когда увидел, что сеньор де Туриссано мертв, вскочил на коня и погнал в столицу. Сообщили нам, сообщили вашему начальству. Когда мы приехали, все было в точности как вы видите.

— Понятно,— процедил Фернан, хотя ему ничего не было понятно. Какого Искусителя понадобилось кому-то убивать знаменитого маршала? — Что сказал лекарь?

— Первый же удар оказался смертельным. Думаю, Спаситель забрал его душу сразу же. Сеньор де Туриссано не мучился.

«Не мучился? — подумал Фернан.— Тот, кто умирает сразу, не опрокидывает стул, не сгребает со стола бумаги и бокал с вином и даже, упав, не старается дотянуться до убийцы кинжалом. Похоже, маршал опасался того, кто пришел к нему в гости, и решил заранее подготовиться».

— Крови мало.

— Лекарь сказал, что кровотечение было внутренним.

«Быстрая смерть!» — Фернан позволил себе тихонько фыркнуть.— Наверняка задели легкое — и граф попросту захлебнулся собственной кровью».

— Слуга в замке?

— Да, но, по его словам, он ничего не слышал. Хотите допросить?

— Это успеется. А что другие слуги?

— Больше никого.

Фернан удивленно изогнул бровь:

— Вот как? А кто же следит за замком? Кто убирает, готовит?

— Граф здесь редко бывал. Когда он приезжал из столицы, обычно слуг нанимали в ближайшей деревне, да и то не всегда. Покойный любил уединение. Что до того парня, то он человек графа. Прибыл с ним из столицы.

— Пригласите его.

Хорте отдал приказ, и спустя минуту один из младших следователей ввел в комнату слугу. Им оказался высокий и уже немолодой детина в мундире сержанта «Ураганных голов», что, впрочем, и неудивительно. Граф, как и многие другие военные, набирал личных доверенных из своих же солдат. На лежащего под столом покойника слуга старался не смотреть.

— Расскажи сеньору то, что ты поведал мне,— приказал Хорте.

— А чего рассказывать-то, господа хорошие? — забубнил слуга.— Вышел посс... прогуляться, гляжу — у графа в окошке свет горит. Ну, я тогда и почуял неладное. Зашел, а он уже холодный. Ну я на лошадь — и в Эскарину, к графине, значит. А уж потом... вот.

Сержант развел руками.

— Ночью что-нибудь слышал?

— Нет, господин. Я спал. Да и далеко. Меня еще с вечера граф во флигель отослал и сказал, чтобы до утра я его не беспокоил.

— Вот как? Граф ждал гостей?

— Не могу знать, сеньор. Я никого не видал.

— Ладно, ступай.

Сеньор де Суоза вновь остался наедине со следователем.

— Господин Хорте. Кто, по-вашему, убийца?

— Я не знаю, сеньор.

— Вот как? — Фернан посмотрел на усатого толстяка с уважением. Редко кто из следователей жандармерии отваживается признаться в том, что он ничего не знает.

— Я могу высказать две версии.

— Рискните...

— Слуга... — Следователь неуверенно умолк.

«Спихнуть на него ты бы и рад, да вот только убитый слишком большая фигура в армии, чтобы его окружение поверило в такого козла отпущения, как слуга», — подумал Фернан и продолжил слушать господина Хорте.

— ...Ну и конечно, не стоит исключать банальное ограбление. Этот детина-сержант сказал, что пропало несколько заметных и дорогих вещей. Но по мне, так это совершенно неуклюжая инсценировка.

— Вот как?

— Смотрите, сеньор. — Хорте подошел к разбитому окну. — Конечно, можно предположить, что убийца забрался вот по этой обвитой плющом декоративной решетке, разбил окно и убил графа, если бы не два обстоятельства. Во-первых, сеньор де Туриссано не был глухим, на шум разбитого стекла он бы обернулся, и убийца не смог бы нанести ему удар в спину. А во-вторых, на полу почти нет осколков. Все внизу, на улице. Могу предположить, что стекло разбивали не снаружи, а изнутри. Ну и конечно, бокалы. Один стоит на столе, видите? Тот, что с вином. А второй — разбитый, лежит рядом с телом. Похоже, у графа этой ночью был гость. А быть может, и несколько, только пили лишь двое.

— С чего вы взяли, Хорте?

— Можно предположить, сеньор, что, пока граф разговаривал с одним, именно с тем, кто пил вино, кто-то другой, не пивший, зашел сзади и ударил свою жертву кинжалом.

— Если учесть, что пил именно граф.

— Бутылку уже унесли. Лекари хотят проверить вино на наличие яда.

— Остается только узнать, почему убийцы не забрали оружие убийства? — хмыкнул Фернан.

— Это кинжал графа. Его сняли со стены в оружейной комнате.

— Понятно.— Зацепка с оружием убийцы ушла на дно. Кто бы ни всадил клинок в спину графа, он был достаточно умен, чтобы не пользоваться своим кинжалом. А жаль, оружие заметное. Пешханская сталь.— Что говорят отцы-дознаватели?

— Ничего.

— Вот как? — Теперь Фернан действительно удивился. Порой клирики-дознаватели с помощью Дара могли почувствовать отголоски произошедшего убийства, увидеть какие-то намеки. А тут совсем ничего.

— Они не склонны были со мной разговаривать по этому вопросу, сеньор.

— Понимаю. Где они сейчас?

— На первом этаже, в библиотеке. И... они очень недовольны.

«М-да, довольные физиономии не являются характерными особенностями «бордовых».

— Хорошо. Спасибо, Хорте. Я сам с ними поговорю.

Он в последний раз осмотрел тело графа. По лицу покойного ползала большая зеленая муха, и Фернан отогнал ее.

— Господин Хорте, пусть ваши люди позаботятся о мертвом.

Сейчас у Фернана не было ни одного разумного объяснения, почему убили графа. Ограбление? Глупости. Есть гораздо более простые способы выкопать себе могилу и обратить на себя внимание «василисков». Разве что это был глупец или какой-то залетный парень. Борьба за наследство? Но, насколько знал сеньор де Суоза, у графа не было детей. Что еще? Большая политика? Вполне возможно. Кто-то метил на место сеньора де Туриссано? Он кому-то перешел дорогу? Лишил заслуженного звания или награды? Интересно, что скажут король и маршал армии?

— А что у вас на стене? — Фернан кивнул на кусок красной ткани, закрывающей стену.

— Рисунок,— неожиданно тоненько пискнул следователь. Сеньор де Суоза нахмурился:

— Так покажите его мне, раз уж упомянули!

— Не могу, сеньор. Отцы-дознаватели закрыли его сразу же, как вошли в комнату.

Понятно. Очередной каприз Церкви. А жандарм конечно же не рискнет класть голову на плаху гнева Ордена крови Бриана.

— Я открою, раз вы опасаетесь.

— Но...

— Думаю, Церковь не будет возражать, если один из ее верных сынов заглянет под эту тряпку.

Во всяком случае, сеньор де Суоза очень на это надеялся. Он подошел к стене, сорвал ткань, удивленно хмыкнул и отошел в противоположный конец комнаты, чтобы оценить рисунок. На белой стене четкими красными линиями была нарисована окружность. В ней всего лишь несколькими отдельными и не очень-то ровными штрихами оказалось намалевано нечто напоминающее льва с крыльями и скорпионьим хвостом. Неизвестный художник рисовал даже хуже, чем Бето, но Фернан вполне смог разобрать, что изображено на стене. Мантикора. Тварь, обитающая в пустынных скалах далекого Пешханства.

— М-м-м... Не знал, что сеньор де Туриссано имел склонность к подобного рода рисункам.

— Мы предполагаем, что это нарисовал убийца. Во всяком случае, как говорит слуга, до этой ночи здесь ничего подобного не было.

— Только сумасшедших и фанатиков во всем этом деле мне и не хватало,— зло бросил Фернан, продолжая изучать рисунок.— Рисовали кровью?

— Что? А, нет, сеньор. Это краска.

— То есть после убийства этот человек решил посвятить себя искусству и не нашел ничего лучше, как расписать комнату маршала? Краску он принес с собой? — Последние слова сеньора де Суоза прозвучали явно издевательски.

— Нет, сеньор. Краска была в замке.

— Этот некто был очень хорошо осведомлен о замке. Где лежит краска, где лежит кинжал. Мне остается только предположить, что он бывал здесь раньше.

Фернан сразу же вспомнил слугу. Да, вполне возможно... Он должен знать замок. Почему убил? Быть может, граф задержал ему жалованье или не отпустил на какой-нибудь праздник. Искуситель поймет этих слуг!

— Мы приглядываем за слугой.— Хорте, кажется, читал мысли сеньора де Суоза.— Но это мог быть и кто-то из очень хороших знакомых графа.

— Осталось найти этого знакомого и отправить на плаху,— нехорошо усмехнулся Фернан.— Боюсь, что вам предстоит сложное дело, господин Хорте.

— Так... ваша организация не будет проводить расследование, сеньор? — Господин Хорте явно расстроился, что не может спихнуть эту оч-чень щекотливую ношу на других.

— Боюсь, что нет. Мы будем наблюдать за расследованием, но не более того. Во всяком случае, у меня на этот счет нет никаких распоряжений. Начальство лишь просило оценить обстановку. Всего хорошего, господин Хорте.

Он едва заметно поклонился, подхватил плащ и вышел из комнаты.

«Оценить обстановку»! — Фернан недовольно скривил губы. Он понимал, почему граф де Брагаре направил сюда именно его. Не будь убит маршал кавалерии, прислали бы кого-нибудь помельче, чем капитан. А так де Брагаре пришлось отправлять своего личного помощника туда, где бы справился обычный следователь жандармерии. И, несмотря на это, сеньор де Суоза был несколько зол и обижен на своего начальника. Не дело Фернана ехать за столько лиг от столицы лишь для того, чтобы увидеть покойника.

Он спустился на первый этаж, вновь прошел по просторной замковой галерее. Де Туриссано были отменными охотниками. Во всяком случае, судя по висящим на стенах головам, паре сотен оленей явно не повезло. Сам Фернан не любил охоту. Мотаться с арбалетом или мушкетом по лесу, вылавливая осторожную лань, или бросаться с пикой на кабана сеньор де Суоза считал не очень большим удовольствием. Нет, конечно, он охотился, но, на его взгляд, охота была глупым времяпрепровождением многочисленных миньонов Карлоса III, а Фернан, находясь рядом с большинством этих расфуфыренных павлинов, хотел лишь одного — побыстрее покинуть столь яркое и слащавое общество. Так что хорошей охоте низкорослый «василиск» предпочитал не менее хорошую тренировочную схватку на рапирах.

В поисках библиотеки Фернан не переставал думать о произошедшем убийстве, но в мыслях царил хаос. Убийство столь высокопоставленного человека на первый взгляд выглядело

полной бессмыслицей. Да еще и этот рисунок. Явно рисовали специально. Что хотел сказать художник? Что скрывалось под знаком мантикоры? Быть может, это такой странный способ сбить расследование с истинного пути? И отчего это святые отцы-дознаватели так скоренько прикрыли столь живописную картину тряпкой? Вопросов было слишком много, а вот ответов... Ответов у Фернана Руиса пока что не было.

ГЛАВА 2

Si ante tempus ferrum denudavis contra Lamiam,
vel sacerdotem vel ignotum, scias eorum primum
velocitate, secundum sermone atque Salvatoris donis,
tertium confidentia tua te vincere posse¹.

Ioannus Tecius. Artifex ferro pugnandi

Библиотеку графа Фернан нашел в противоположном крыле замка. Трижды он встречал следователей жандармерии, изучающих комнаты на предмет улик. На него косились, но, увидев эмблему «василиска», глупых и несвоевременных вопросов не задавали и препятствий не чинили.

Размерами библиотека не уступала бальному залу средней величины. Помещение неприятно поразило сеньора де Суоза учиненным в нем разгромом. Исходя из того что Фернан видел в других комнатах замка, маршал кавалерии любил книги и относился к ним бережно. Здесь же... Будь граф жив, он бы точно поубивал тех, что сейчас вытаскивали драгоценные фолианты из шкафов и не глядя бросали на пол, где уже высилось несколько горок. Фернан поморщился и презрительно скривил тонкие губы.

В библиотеке находились шестеро. Четверо — отцы-дознаватели одной из низших ступеней, облаченные в грубые шерстяные рясы. Орденцы даже не были «озаренными²». Именно

¹ Если ты поспешил обнажить шпагу против ламии, клирика и незнакомца, помни: первый победит тебя скоростью, второй — речами и даром Спасителя, третий — твоей же самоуверенностью.

² «Озаренные» — клирики, обладающие Даром — способностью к магии. Обычно носили знак золотой длани на рясе и являлись церковниками среднего и высшего ранга.

они занимались так называемой сортировкой книг. Работали клирики споро и грубо и на вошедшего Фернана не обратили никакого внимания. Зато святые отцы, сидящие за столом, заметили гостя. Один из них, увидев застывшего в дверях сеньора де Суоза, нахмурился и поманил Фернана пальцем. Тот с досады скрипнул зубами, выругался себе под нос не хуже Бето и направился к поджидающим его церковникам. Если бы Фернан знал, кого он встретит в библиотеке графа, то трижды бы подумал, стоит ли сюда приходить.

Епископ Эскарини, Мигель Алессандро де Лерро, глава Ордена крови Бриана, был вторым человеком в Церкви Таргеры после Его Высокопреосвященства кардинала Хосе Пабло де Стануззи. Вторым по власти, но первым по опасности. С Его Святейшеством старались не связываться, ибо не было в рядах Святой матери Церкви (исключая «гарпий» конечно же) человека более фанатично любящего Спасителя и преследующего врагов его в лице предавшихся Искусителю.

Мигель де Лерро любил Церковь и был любим ею. Жестокий с врагами, он никогда не давал пощады тем, кто встал на пути Веры. Его боялись, и... его уважали. Потому что, несмотря на жестокость, этот человек сделал многое для своей страны. И если уж говорить честно, то жестокость не была для него удовольствием, а являлась необходимостью, инструментом в укреплении власти Церкви и славы Спасителя.

А еще де Лерро, выходец из одного из самых старейших родов Таргеры, был человеком неординарного ума. Выбрав в молодости служение Спасителю, к своим неполным сорока годам епископ успел достичь многого. Очень многого. Поговаривали, что он вполне может получить кардинальскую шапочку и посох Таргеры, ибо Его Высокопреосвященство де Стануззи был слишком стар и ему предрекали скорую встречу со Спасителем, хотя на этот счет Фернан готов был поспорить. По мнению «василиска», Старый Гриф Хосе Пабло де Стануззи при желании переживет всех ныне живущих. Молва уже несколько раз хоронила Его Высокопреосвященство, но тот жил и здравствовал, лишь усмехаясь курсирующим по Эскарине слухам о его скорой смерти, и неизменно приезжал на похороны тех, кто совсем недавно во всеуслышание «хоронил» тщедушного кардинала. Впрочем, сейчас речь была не о желчном старике.

Епископ де Лерро, высокий, широкоплечий, черноглазый и смуглый, нравился женщинам и являлся предметом несбыточных желаний многих благородных дам и простолоудинок, которые не переставали недоумевать, почему такой красавец выбрал служение Церкви и загубил свою жизнь. Но к вниманию, оказываемому ему женщинами, де Лерро оставался холоден. И даже «василиски», однажды (конечно же только ради «обычного интереса») решившие сунуть нос совсем не в свою вотчину и попытавшиеся аккуратно перекопать грязное белье епископа, не смогли ничего найти. В том числе и этого самого грязного белья. Безупречно чист. Если не сказать — идеален. Чуть ли не святой. Того и гляди, запишут в соратники к Спасителю. Истинный сын Церкви со всеми вытекающими.

Его Святейшество обладал Даром. В магии Спасителя Мигель Алессандро де Лерро был одним из сильнейших клириков Таргеры, уступая лишь кардиналу.

Фернан, идя к наблюдающему за ним церковнику, превратил лицо в маску спокойствия и полной невозмутимости, хотя в его душе бушевала буря. Все объяснялось тем, что сеньор де Суоза и Его Преосвященство не любили друг друга. Причем не любили крепко. Конечно же ни на людях, ни оставаясь лицом к лицу ни один из них не позволял себе проявить своих истинных чувств. Фернан старался не связываться с Церковью, а епископ старался не злить «василисков» без крайней на то нужды. Оба были слишком умны для того, чтобы показывать зубы и лезть в совершенно ненужную драку. Они старались ограничиваться холодно-вежливыми разговорами.

Правда, несколько раз Фернан и епископ сталкивались лбами на почве интересов Церкви и «василисков», и здесь, как правило, приходилось отступать маркизу. Так как влияние Фернана не шло ни в какое сравнение с весом влияния епископа. Если Церковь чего-то очень хотела, то она этого добивалась.

Незнакомый маркизу клирик оказался одним из так называемых клинков в руках Спасителя — плотный субъект с толстым, добродушным лицом, пухлыми руками, преждевременными залысинами и серыми, словно бы под цвет дорогой рысы, сонными глазами. Смотрел он на капитана без неприязни, даже с каким-то затаенным интересом. Левая рука клирика безостановочно перебирала янтарные четки.

«Вот только «гарпии» мне здесь для полного счастья и не хватало», — обескураженно подумал Фернан. Пожалуй, можно было сказать, что он был несколько ошеломлен тем, что встретил в замке столь влиятельных лиц Церкви. Если сам епископ Эскаррины и один из немногочисленных (слава Спасителю!) «гарпий» вдруг оказались так далеко от столицы, пускай из-за убийства высокопоставленного лица, — это событие. Событие, которое заставляло задуматься, что такие люди делают в столь далеком от сферы их интересов месте? В голове Фернана ударил набат. Ударил и смолк, ибо Его Преосвященство встал со стула и с самой что ни есть благожелательной миной протянул Фернану руку для поцелуя епископского перстня. Сеньор де Суоза с непроницаемым лицом совершил ритуал.

Быть может, со стороны это выглядело очень благообразно — почтительный дворянин приветствует духовное лицо. Быть может, им удалось обмануть наблюдающего за этой сценой «гарпию», но не друг друга.

— Ваше Преосвященство, польщен встречей с вами.

— Рад видеть вас в добром здравии, сын мой. Аббат Жозе, позвольте представить вам истинного сына Святой матери Церкви сеньора Фернана Руиса де Суоза маркиза де Нарриа. Сеньор, позвольте представить вам аббата монастыря Благочестия — Жозе Найяру, епископа¹ «серых» монахов.

Слова об «истинном сыне Святой матери Церкви» в устах епископа позвучали с явной насмешкой. Де Лерро был осведомлен, как Фернан относится к Ордену крови Бриана. Но де Суоза не обратил на намек Его Преосвященства никакого внимания. Он снял шляпу, склонился в идеальном придворном поклоне, стараясь скрыть весь букет своих истинных чувств.

Сам аббат Жозе Найяра! Епископ «гарпий»! Здесь! Паук впервые на его памяти выбрался из своей дремучей паутины. За последний год маркиз много слышал об этом человеке. В основном плохое и очень плохое. Народная молва превратила вечно сидящего в цитадели «гарпий» церковника в совершенно мифическую фигуру. В интригана, который все обо всех знает, и, стоит ему лишь пальцем шевельнуть, и грешника, не чтящего

¹ Глава церковного ордена, например аббат, автоматически получал звание епископа, но это было не более чем формальностью. Обращаться к нему продолжали так же, как и раньше — «Ваше Святейшество», а не «Ваше Преосвященство». Номинально он все равно был ниже рангом, чем настоящий епископ.

Святую Церковь, тут же ждет жаркое пламя искупления. Столько страшных историй не рассказывали даже о самом Искусителе. Говорили, что в магии Найрра ничуть не уступал епископу Эскарини. Так что, увидев добродушного толстяка вместо угрюмого палача с демоническим лицом, Фернан в который уже раз отметил про себя, что слухи и реальность— совершенно разные вещи. Встреть он такого человека на улице, и ни за что бы не подумал, что перед ним один из влиятельнейших и опаснейших людей Церкви.

Насколько знал Фернан, в последнее время в отношениях между де Лерро и Найррой пробежала большая черная кошка. «Серый» с каждым днем набирал очки и уже во многих вопросах начинал подминать честолобивого епископа Эскарини. Говорили, что Найрра мечтает о кардинальской шапке и посохе. Это конечно же совершенно не устраивало ни Его Преосвященство, ни нынешнего кардинала Таргеры — Хосе Пабло де Стануззи. Ни тот, ни другой не хотели передавать Найрре власть над таргерской Церковью. Но, похоже, «серому» было плевать на мнения и епископа и кардинала. Он шел своим путем.

Ловко орудуя страхом и властью, аббату удалось склонить на свою сторону едва ли не половину Церковного совета Таргеры. Похоже, только теперь «бордовые» начали понимать, какую змею (а точнее, дракона) они пригрели на своей груди. Отцы-дознаватели уже отнюдь не так, как раньше, радовались появлению «серых» в этом грешном мире. Конечно же все это дела церковные, стороннему наблюдателю не заметные, к тому же «бордовые» и «гарпии» о своих трениях не распространялись и на людях вели себя так, что ни у кого и мысли не возникало об их очень натянутых отношениях.

На поклон Фернана Жозе Найрра ответил едва заметным, но благосклонным кивком.

— Сеньор, вы видели тело? — Епископ вновь сел на стул и без лишних хождений вокруг да около приступил к делу.

— Да, Ваше Преосвященство.

— Что думаете?

— Это убийство.— Фернан сохранял самое серьезное выражение лица.

Де Лерро поморщился, зато Найрра бросил на «василиска» быстрый одобрительный взгляд. Кажется, «гарпия» оценил тычок, доставшийся его сопернику.

— Сеньор, сейчас не время для шуток. Мы и так знаем, что это убийство. Самоубийцы, прости их Спаситель, не имеют привычки втыкать нож себе в спину.— Голос Его Преосвященства оставался все так же спокоен.

— Это действительно убийство, Ваше Преосвященство, и, насколько я видел, убийство жестокое, быть может заранее спланированное. Граф вряд ли успел оказать сопротивление.

— Сохрани Спаситель его душу,— пробормотал Найрра и вновь занялся своими четками.

— У вас есть предположение о причинах, толкнувших убийцу на столь мерзкий и греховный поступок?

— Нет, Ваше Преосвященство,— совершенно честно ответил Фернан.— Пока никаких предположений у меня нет.

— Расследование будут проводить «василиски»?

Найрра бросил на Фернана быстрый и цепкий взгляд. Словно дремлющая на солнце змея вдруг совершила решительный бросок в сторону того, кто посмел нарушить ее покой.

— Пока у меня таких сведений нет. Этим делом занимается жандармерия. Я всего лишь прислан как наблюдатель.

Епископ скривился, словно ему предложили исповедовать самого Искусителя, но промолчал. Фернан вполне понимал де Лерро. Вряд ли жандармерия сможет найти хоть что-то.

— Сын мой, надеюсь, вы понимаете, насколько тяжела сложившаяся ситуация?

Фернан это знал безо всяких напоминаний, его больше заботил вопрос, какой интерес у Церкви во всех этих делах?

— Могу пообещать, Ваше Преосвященство, что мы сделаем все возможное и невозможное для того, чтобы в кратчайшие сроки найти убийцу графа.

— Все в руках Спасителя,— пробормотал епископ.— Не буду вас больше задерживать. Раз вы не можете пролить свет на это дело...

Он не закончил, явно намекая на то, что и до этого момента знал, что Фернан ни на что не способен и зря занимает должность капитана «василисков». Епископ отвернулся, показывая, что разговор окончен, и вновь занялся грудой бумаг, лежащих у него на столе, но Фернан и не думал уходить. Теперь настала его очередь задавать вопросы.

— Ваше Преосвященство...

Де Лерро обернулся и приподнял брови. Похоже, он очень удивился, что маркиз все еще находится здесь.

— Да?

— Будет ли мне позволено спросить вас?..

— Спросить? Ну попробуйте.— В голосе епископа Эскарины явно слышалась издевка.

— Ваше Преосвященство,— Фернан старался подобрать приличествующие случаю слова,— я был несколько удивлен, увидев вас и уважаемого епископа Найрру так далеко от Эскарины. Какой интерес у Святой Церкви в этом мирском деле?

— Убили одного из верных сыновей Церкви, сын мой! — вместо де Лерро заговорил «серый».— Мы не могли не прийти.

Фернан молчал, но его молчание говорило куда больше всяких слов. По всему виду невысокого «василиска» даже ослу стало бы понятно, что сеньор де Суоза не верит тому, что из-за смерти графа двое отнюдь не самых последних в церковной иерархии клириков вдруг взяли да и приехали в Арреду лишь для того, чтобы разобраться, кто пронзил кинжалом графа де Туриссано. Фернан быстрее поверит в доброту душегуба, чем в то, что сказал ему Найрра.

— Полноте, брат,— вздохнул де Лерро, когда молчание уж очень затянулось.— Думаю, ведомство сеньора де Суоза должно знать, почему Церковь обратила столь пристальное внимание на смерть маршала Таргеры. Да, нас страшит и печалит невыносимая утрата такого славного и храброго человека. Да, сеньор, Святая мать Церковь и кардинал очень обеспокоены случившимся, ибо неизвестно, к каким последствиям приведет смерть графа. Не мне вам говорить, что стервятники есть везде— и теперь за этот пост развернется борьба нескольких влиятельных родов. Его Высокопреосвященство заинтересован в том, чтобы последствия сегодняшней трагедии прошли как можно более гладко для всех. Церковь заботится о своих детях. Но есть еще одна причина нашего здесь присутствия. Граф де Туриссано хранил у себя запрещенные книги.

— Вот как? — Это откровение ошеломило Фернана.

Дело начинало пахнуть гнильцой и ладаном. Если епископ говорит правду, то выходит, что маршал не был таким уж верным сыном Святой матери Церкви, как о нем только что распространялся Найрра. Хранить запрещенные книги очень рискованно и глупо. От старого фолианта, на страницах которого кто-то нечаянно упомянул Искусителя, до великолепного костерка и усердно подбрасывающих в огонь хворост

отцов-дознавателей было всего два очень маленьких и коротеньких шажка. Впрочем, де Туриссано в ближайшее время вряд ли грозило попасть в застенки Ордена крови Бриана. Маршал был на коне, маршал был нужен стране и королю, а это удерживало церковников от поспешных действий. Хранить парочку запрещенных книг для графа было не так уж и опасно. Пока. А вот найди «бордовые» такие книжки у кого-нибудь помельче и понезначительнее, и такому «букинисту» не избежать множества неприятных вопросов в церковных подземельях.

— Вот как? — вновь повторил Фернан. — Откуда у Вашего Преосвященства столь... м-м-м важные сведения?

— У Церкви множество верных детей, сеньор, — холодно бросил Наярра.

«У Святой матери Церкви полно шпионов, которым вы платите полновесным золотом», — мысленно парировал Фернан.

— Вы нашли эти... книги?

— Да. Их некоторую часть. — Епископ кивнул на два небольших фолианта, особняком лежащих на столе. — Мы не хотели бы губить репутацию столь славного, но, увы, заблуждавшегося сына. Так что было принято решение изъять эти мерзкие книги, пока их не нашел кто-то другой.

— Очень мудрое решение, Ваше Преосвященство.

На самом деле мудрое. Мертвый великий герой гораздо лучше мертвого героя-еретика. Символ, который обязательно сделают из погибшего графа, еще может послужить своей стране. А вот отступник — вряд ли.

— Надеюсь, я ответил на ваши вопросы, сын мой?

— Не совсем.

Наярра хмыкнул, епископ потемнел лицом.

— Что еще? — В голосе главы Ордена крови Бриана слышались первые нотки раздражения.

— Ваше Преосвященство, в комнате, где лежал убитый, был рисунок...

— И?..

— Почему вы приказали спрятать его?

— Я ничего не приказывал. — Епископ бросил недовольный взгляд на аббата Наярру. Тот, казалось, этого не заметил. — Его Святейшество руководствовался лишь своими соображениями.

— Я руководствовался интересами Церкви и ее детей, Ваше Преосвященство.— Найрра едва ли не цедил слова.— Завтра об убийстве будет говорить вся Эскарина... если уже не говорит. Недостает еще, чтобы просочились слухи о нелепом рисунке. Даже боюсь предположить, что молва сможет раздуть из такой вот ерунды...

— Боюсь, Ваше Святейшество, в столице все равно узнают о нарисованном на стене знаке мантикоры. Жандармы тоже люди. Один из них вполне может проговориться.

— Нет, чадо.— Сонный взгляд аббата Найрры стал неожиданно цепким и острым. Теперь «серый» уже не казался Фернану добродушным толстяком.— Я лично поговорю с каждым из этих людей.

Сеньор де Суоза задумчиво кивнул. Теперь он не сомневался, что больше никто не будет упоминать про странный рисунок, обнаруженный в комнате маршала. После разговора с «гарпией» свидетели напрочь забудут о том, что они видели в замке, ибо никто не захочет оказаться из-за своего болтливости языка в застенках монастыря Благодетеля.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, Ваше Святейшество. И все же непонятно, что это за рисунок и для чего его нарисовали?

— У вас на этот счет нет никаких соображений, капитан?

— Увы,— развел де Суоза руками.— Ваше Преосвященство, Ваше Святейшество, спасибо за потраченное на меня время.

Он поклонился. Де Лерро холодно отвернулся, Найрра кивнул.

Фернан покинул библиотеку. Разговор с клириками еще сильнее запутал дело. Даже тот факт, что граф де Туриссано якобы хранил запрещенные книги, не оправдывал присутствия в Арреде глав двух могущественных орденов. С таким несложным делом могли справиться люди и помельче епископов. Фернан понимал, что клирики многое недоговаривают и знают гораздо больше. Но тут уж ничего не поделаешь, Церковь очень неохотно расстается со своими секретами. Впрочем, к Искусителю церковников и их секреты! Фернан выполнил свою задачу, узнал все, что от него требовали, а с остальным пусть разбирается его непосредственный начальник — граф де Брагаре.

Покинув библиотеку, маркиз де Нарриа заглянул в оружейную комнату. Зальчик оказался небольшим, но оружия здесь было предостаточно. На взгляд сеньора де Суоза, с помощью этого арсенала можно было вооружить небольшую армию. Фернан прошел мимо тяжелых доспехов прошлых веков, рыцарских мечей, палиц, секир, двуручных топоров и прочего оружия, заслужившего в боях неотъемлемое право находиться на почетных местах в оружейной комнате. Остановился возле висящих на стене алебард, глеф, голендаг, протазанов, гизарм и рансек¹. Провел рукой по черному древку укороченной рансеки, подошел к противоположной стене и замер, с восхищением рассматривая шпаги, полушпаги, рапиры, чивоны, палаши и эстокады. Оружие было превосходным. Каждый клинок оказался выкован из пешханской стали. Как бы Церковь ни ругала восточных язычников, нельзя было не признать одно — оружие пешханцы делали великолепное. Правда, стоила одна такая шпага как три-четыре породистые лошади. Сеньор де Туриссано знал, на что потратить деньги. Шпага самого Фернана обошлась в сумму, о которой де Суоза предпочитал не вспоминать. Впрочем, о покупке оружия он еще ни разу не пожалел. Клинок был великолепен.

Фернан не удержался, снял со стены одну из рапир, подержал в руках, сделал выпад в воображаемого противника и с сожалением вернул клинок на место. Рядом со шпагами находились кинжалы и даги. Фернан скучающе поглядел на оружие. Застыл. Удивленно хмыкнул и поспешно выскочил в коридор.

— Эй! — окликнул он одного из жандармов.

— Да, сеньор?

— Найди мне господина Хорте. Пусть придет в оружейную комнату и захватит с собой слугу покойного.

Жандарм отправился исполнять поручение, а Фернан вернулся в оружейную и, потирая подбородок, стал внимательно изучать стену с оружием. За этим занятием его и застал Хорте.

— Сеньор? — Господин Хорте топтался в дверях. За его спиной маячили два следователя и испуганный слуга.

— А, господин Хорте. Входите, не стойте на пороге, — очнулся от раздумий Фернан. — Вы видели это? — Де Суоза кивнул на стену.

¹ Виды длиннодревкового оружия.

— Вы об отсутствующем оружии?

— Да.— «Василиск» поманил слугу пальцем: — Подойди-ка сюда, любезнейший. Вчера здесь было оружие?

— Нет, сеньор.

— Да? И куда же оно делось?

— Граф его продал. Еще два месяца назад.

Фернан нахмурился. Де Туриссано был известным коллекционером дорогих клинков... и вот так продать...

— С чего это маршалу распродавать коллекцию? — про-
бормотал «василиск». — Маршал нуждался в деньгах?

Слуга помялся и неуверенно посмотрел на маркиза. Затем все же решился:

— Немного, сеньор.

А вот это уже интересно. Следовало обязательно проверить, что там с финансами де Туриссано. Если коллекционер начинает распродавать свое любимое детище, то его дела могли быть действительно тяжелыми. Уж не вляпался ли покойный маршал в какую-нибудь пренеприятнейшую историю с долгами? Это вполне могло стать мотивом для убийства.

— Так-так... — Низкорослому Фернану приходилось зади-
рать голову, чтобы смотреть в глаза слуги. — Значит немного...

По его прикидкам, это «немного» выливалось в приличную сумму. Конечно, де Суоза не знал, какое оружие было продано, так что точную цену он мог только предполагать, но даже самые скромные подсчеты говорили о сказочной сумме.

— Кому он продал клинки?

— Пять герцогу Лосскому...

«Василиск» задумчиво кивнул. Что-то в этом роде он и предполагал. Двоюродный брат короля тоже коллекционировал дорогое оружие.

— И один маркизу де Армунгу.

— Королевскому шуту? — удивился Фернан.

— Да, сеньор.

— Хорошо, — хмыкнул «василиск», делая себе пометку по-
говорить при случае с шутом о столь странной для него по-
купке. — А последний?

— Сеньор?

— Кому граф продал последний клинок?

— Последний клинок? Вы что-то путаете, сеньор. Больше граф ничего не продавал, я бы знал.

Фернан нахмурился, быстро пересчитал пустые скобы, служащие для удержания оружия. Вышло восемь. Пять герцогу, один шуту. Итого шесть. Один у графа в спине. Итого семь. Где восьмой?

— Хорте?

— Вижу, сеньор.— Старший следователь был сообразительным малым.

— Ты помнишь, что продал герцог?

Слуга наморщил лоб, крякнул. Фернан терпеливо ждал.

— Герцог Лосский взял три кинжала, полушпагу и мечелом. Маркиз... маркиз купил дагу с головой змеи на рукоятке. Да, сеньор. Именно дагу.

— Хорошо. И еще здесь отсутствует кинжал, который теперь в спине твоего господина. А ну-ка напряги память, любезнейший, и скажи мне, какого оружия здесь нет.

Слуга нахмурился, прошелся вдоль стены, касаясь то одного, то другого клинка.

— Сеньор, думаете это зацепка? — осторожно поинтересовался Хорте.

— Вполне возможно, господин Хорте. Даже очень возможно.

Кажется, появилось хоть что-то. Если пропал клинок, то это и зацепка, и мотив, и шанс найти убийцу.

— Вспомнил! — Слуга довольно заулыбался.— Нет кривого пешханского кинжала с рукояткой из слоновой кости.

— Ты уверен?

— Да. Этот клинок был заметным. На рукояти буква «Т». Граф бы его ни за что не продал, хотя герцог очень просил.

— Молодец! Вот тебе за труды.— Фернан на радостях бросил отличившемуся сержанту ригес¹.

Слуга рассыпался в благодарностях, Фернан, не слушая его, повернулся к жандарму:

— Господин Хорте, надеюсь, не мне вам говорить, в каком направлении следует работать жандармерии?

— Мы немедленно начнем поиск кинжала.

— Отлично,— удовлетворенно кивнул Фернан и, попрощавшись со следователем, покинул оружейную комнату.

¹ Р и г е с — серебряная монета. Двенадцать ригесов равняются одному золотому этудо.

Епископа Жозе Наярру Фернан встретил уже возле самого выхода из охотничьего замка. «Серый» стоял у большой картины, заключенной в мощную и, на вкус Фернана, излишне вычурную позолоченную раму. Заслышав шаги сеньора де Суоза, аббат обернулся.

— А, чадо,— протянул клирик.— Я думал, вы уже ушли. Что скажете?

Фернан посмотрел на картину. Серое угрюмое море катило огромные валы волн прямо к высокому береговому утесу. Художник был мастером. «Василиск» почти ощущал дуновение крепкого соленого ветра, чувствовал запах соли и слышал рев беснующихся волн, что в бессильной белопенной злобе бились о прибрежный утес, на котором находились двое. Злой ветер трепал их одежды и длинные волосы. Лиц Фернан не видел, изображенные художником мужчины стояли спиной к зрителю. Двое смотрели на море и... дальше. Куда-то за скрытый свинцовыми тучами горизонт. Картина была потрясающей, талантливой, глубокой. Казалось, что еще несколько мгновений — и изображение оживет.

— У меня нет слов,— наконец сказал Фернан.— Это...

— Это работа Федерико Лонереддо, жившего в Ирении больше трехсот лет назад. Гениальный художник, сам Спаситель вложил в руки этого иренийца кисть. Вы слышали о нем?

— Нет, Ваше Святейшество.— Фернан не очень-то интересовался живописью.

— Неудивительно. Он умер, так и не успев стать знаменитым. Чума Искусителя в те годы забирала много людей, и лишь Церковь магией Спасителя смогла остановить мор. До наших дней дошло лишь шесть картин Лонереддо. Все, кроме этой, в Ирении, во дворце у Папы.

— Я не знал, что вы любитель живописи.

— Немного, сын мой.— Наярра добродушно улыбнулся.— Я не так страшен, как говорят обо мне многие заблудшие овцы.

Фернан промолчал.

— Не знаю, как к де Туриссано попала эта картина...— между тем продолжил «серый».— Она называется «Два брата». Спаситель и Искуситель перед своим легендарным путешествием через море, сын мой. Они еще вместе, еще дружны, оба хотят спасти человечество и подарить ему магию. Нет еще ни ссоры, ни Кровавой ночи, ни дороги через пешханскую

пустыню, ни смерти на горе Искупления. Перед нами самое начало их пути.

Фернан слушал неспешный рассказ аббата Наярры и смотрел на картину. В эти минуты легенда стала для него явью, и Фернану стоило больших трудов вернуться назад, в реальный мир.

— Ваше Святейшество, — произнес капитан, — старший следователь... Он сказал, что никто из отцов-дознавателей не смог почувствовать, как произошло это убийство.

— В этом нет ничего удивительного, сын мой. Только Спаситель всемогущ. Бывают случаи, когда дети его бессильны.

«Случаи, быть может, и бывают, — решил про себя Фернан. — Но крайне редко, если не сказать, что почти никогда. Ой не просто так святые отцы себя ведут, словно воды в рот набрали!»

— Отчего вы нахмурились, сеньор?

— Думаю, что может означать эта нарисованная на стене мантикора, Ваше Святейшество, — соврал Фернан.

— Право, не знаю. Трактовок может быть много. Например, в Святой книге есть упоминание об этом звере. Спаситель шел через каменистую пустыню Пешханства, а его преследовали мерзкие слуги Искусителя. И вот когда они уже готовы были пролить святую кровь Спасителя, с неба на них упала мантикора и растерзала. Мантикора — это возмездие, она несет свет истинным детям Церкви и борется с теми, кто задерживает Спасителя в его победном шествии.

Фернан внимательно выслушал, вежливо распрощался с Наяррой и покинул замок, оставив «серого» и дальше любоваться картиной Лонереддо.

Бето сидел возле лошадей и левой рукой подбрасывал в воздух наваху. Раскладной нож делал два оборота, тускло блеснул в лучах заходящего солнца и падал на раскрытую ладонь лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь взмыться к небу. На наваху Бето не смотрел. В правой руке он держал невесть как добытое и уже наполовину обгрызанное красное яблоко.

— Сеньор... — Заметив Фернана, прохиндей перестал жонглировать ножом, ловко поймал, закрыл и едва уловимым движением спрятал под одежду.

— Поехали. Путь до Эскарины неблизкий.

Они покинули Арреду и следующие минут двадцать проехали молча. Фернан думал, Бето доел яблоко, запустил огры-

зок в придорожную канаву и достал из кармана второе. Когда и с этим было покончено, слуга решился нарушить молчание:

— Сеньор...

— Да.

— Не могли бы вы мне выдать этудо на новые сапоги?

Фернан прищурился и бросил быстрый взгляд на Бето.

— Не слишком ли дорого для сапог? Или они из кожи водяного ящера?

— Нет, сеньор. Обычные сапоги.

— Лучше я устрою тебе хорошую порку, когда мы вернемся в столицу, лентяй,— проворчал для проформы Фернан.

«Василиск» знал, что слуга редко вот так нагло осмеливался просить денег. А раз просит, значит, знает, что он обязательно их получит.

— Почему я должен давать тебе этудо? — спустя минуту соизволил спросить Фернан.

— Эх, сеньор,— вздохнул Бето.— Пока вы были в замке, я все ходил, бродил. Смотрел, слушал. Ну вот и подумал: а вдруг хозяин будет настолько добр, что даст мне денег на новые сапоги?

— Ну и что ты «находил», негодяй? — хмыкнул Фернан.

— Следов много,— вздохнул Бето.— Валаи! Возле замка как будто целый полк маршировал! Да и с утра там порядком натоптали. Очень, очень сложно хоть что-то понять.— он притворно вздохнул, явно набивая себе цену.

— Ну раз ничего нельзя понять, значит, обойдешься без сапог.

— Правда,— поспешно затараторил Бето,— я могу точно сказать, что ночью в замок приезжала карета.

— Эта информация не стоит этудо. Она не стоит даже медяка, мой дражайший проныра. Если бы ты мне сказал, кто приезжал в этой карете или хотя бы что за герб был изображен на ее дверях, то, быть может, я и подумал бы...

— Это еще не все, сеньор.— Бето соорил хитрую рожу.— Я кое-что услышал.

— Правда? — без всякого интереса спросил Фернан.

— Истинно так! Я как раз обходил замок и услышал один разговор...

— Да? И кто разговаривал?

— «Бордовые», сеньор.

— Продолжай.

— Так вот,— затараторил Бето, явно приободренный проснувшимся интересом хозяина.— Там у них окно было настежь распахнуто, а я как раз под ним и оказался.

— Разумеется, случайно,— хмыкнул Фернан.

— Конечно, сеньор!

— И о чем же говорили эти достойные служители Церкви? Бето явно повезло оказаться под открытым окном библиотеки и услышать беседу двух епископов.

— Они много говорили.

— И о чем же?

— Очень много говорили,— продолжил Бето, словно не слыша повторного вопроса хозяина.— Как я понял, они искали какие-то бумаги.

— Знаю. Запрещенные Церковью книги,— разочарованно произнес Фернан.— Твоя информация не стоит и подошвы от сапог свинопаса.

— Нет, сеньор. Они искали не книги, они искали какие-то бумаги...

— Книги, бумаги? Какая разница, что хранилось в библиотеке де Туриссано?

— Есть разница. Отцы-дознаватели чуть ли не кипели.

— Ты уверен? Ничего не перепутал? — нахмурился де Суоза.

— Уверен, хозяин. Я стоял... лежал прямо под окном и все прекрасно слышал. Они искали бумаги. А один, тот, который с таким мерзким хриплым голосом...

— Де Лерро...— машинально сказал Фернан.

— Так вот, он сказал, что устои Церкви зависят от того, найдут они эти бумаги или нет. А еще этот де Лерро обвинил другого, что это из-за его некомп... некомп... тентности. Вот так прямо и сказал.

— Продолжай.

— Это все, сеньор. Потом они только лишь шипели друг на друга.

— Они не говорили, каким образом документы попали к графу и что в них было?

— Нет.

— Хорошо. Завтра можешь купить себе сапоги.

— Спасибо, сеньор!

Что же это за бумаги, раз от них зависит будущее Церкви? Что это за документы, если ради них епископы торопятся в

провинцию? Уж явно не пара еретических книжек из библиотеки мертвого маршала.

Путь до Эскарины занял почти всю ночь. В столицу Таргеры они въехали, когда до рассвета оставалось не больше двух часов. Город, раскинувшийся по берегам огромной подковообразной бухты, спал. Большую часть пути Фернан и Бето преодолели по совершенно пустым, сонным, измученным летней жарой, освещенным масляными фонарями улицам. Трижды они встречали патрули городской стражи, что разъезжали на лошадях. К дворянину и его слуге стражники не проявили никакого интереса. Мало ли откуда едет благородный господин? Он не вор и не преступник, чтобы отвечать на их вопросы. Лишь лейтенант одного из патрулей вежливо поздоровался с припозднившимся сеньором. Фернан в ответ коснулся шляпы.

Бето, ехавший позади Фернана, время от времени бормотал «валаи» и отчаянно зевал. Они ехали по центральным улицам Эскарины, застроенным особняками знати, к дому Фернана, который располагался на набережной Панты — реки, впадающей в Сарейское море. Сеньор де Суоза часто ездил по этой дороге, и лошадь, уже выучившая маршрут, совершенно не нуждалась в понуканиях своего хозяина. Она, как видно, мечтала поскорее оказаться в конюшне, где с нее снимут тяжелое седло и накромят чем-нибудь вкусным.

За прошедший день Фернан устал не меньше своей животины. Долгая дорога давала о себе знать. А еще сеньор де Суоза был голоден и жутко зол на идиота, убившего графа. Всю обратную дорогу «василиск» думал о произошедшем убийстве, но в итоге у него родилась всего лишь одна разумная мысль.

Он не будет лезть в дела Церкви, отцов-дознавателей и «гарпий». Покойный каким-то образом оказался замешан в церковные дрязги, и в этом не возникало никаких сомнений. А от подобного за лигу несло неприятностями, и вполне понятно, что де Суоза совершенно не хотел ввязываться в такие дела.

До дома капитана «василисков» оставалось всего ничего. Сонные белостенные особняки с красными черепичными крышами и высокой оградой тянулись слева и справа. Затем шли обычные дома горожан. Маркиз предпочитал жить на набережной, в менее престижном, но куда более приятном районе.

Они свернули на узкую и короткую улочку Святого Шеро, упиравшуюся в набережную реки, возле которой находился дом Фернана. Улочка была так же тиха и пуста. Лишь бесчисленные ночные мотыльки танцевали вокруг стеклянных колпаков фонарей стремительную ральеду.

Всадники уже почти добрались до дома, когда дорогу им перегородили четверо пеших. Фернан, не ожидавший ничего подобного, натянул поводья. В голове с быстротой молнии мелькнула мысль о грабителях. Мелькнула и тут же пропала. Если это и грабители, то излишне наглые. Они не могут не знать, что здесь не городские трущобы, а чуть ли не центр столицы, где полно стражников. К тому же и одежда, и то спокойствие, с которым они стояли, говорили о многом. Сеньора де Суоза смущало очень странное для всякого уважающего себя грабителя обстоятельство — оружие незнакомцы держали в ножнах.

Ближе всего к маркизу находились двое. Один был настоящим великаном, Фернан вряд ли достал бы ему до середины груди. Небритая простоватая рожа, шляпа горшком, рапира. Второй, в отличие от своего товарища, облаченного в обычное платье горожанина, явно был дворянином. Одет парень неброско и не слишком уж богато, но аккуратно.

Именно этот высокий, поджарый субъект, по мнению Фернана, был самым опасным из всей четверки. Он стоял как раз у фонаря, и «василиск» смог изучить благородное лицо. Черные глаза, нос с горбинкой, густые брови и вежливая полуусмешка на тонких губах. Бороду незнакомец не носил, лишь черные, едва подкрученные усы.

Третий человек застыл у стены в тени, и как он выглядит, Фернан рассмотреть не мог — ему был виден лишь неподвижный силуэт. Четвертый, стоявший дальше всех, на мгновение привлек внимание «василиска». Но всего лишь на мгновение. Этот человек оказался пожилым и очень сутулым. Из оружия — кинжал. Такие было разрешено носить горожанам. Судя по всему, этот представлял наименьшую опасность.

За спиной у Фернана тихо щелкнула наваха, раскрываемая Бето.

— Валаи, сеньор! — тихо проговорил слуга. — Плохо дело.

Обычно плаксивый голос Бето сейчас был необычайно серьезен. Фернан позволил себе неспешный и ленивый взгляд

через плечо. Еще двое. Банальная ловушка. Капитан «василисков» вновь перевел взгляд на тех, кто закрывал ему путь.

— Чудесная ночь, сеньор де Суоза,— неожиданно сказал дворянин.

— Не имею чести,— холодно процедил Фернан.

— Да не очень-то и большая честь, сеньор,— усмехнулся незнакомец.— Мое имя не так уж высоко по сравнению с именем маркизов де Нарриа. Позвольте мне остаться неизвестным.

— Воля ваша, сеньор.— Спокойствие Фернана было напускным. Сейчас «василиск» походил на натянутую арбалетную тетиву.— Да, ночь действительно чудесна, здесь я с вами совершенно согласен. А теперь, когда с любезностями покончено, позвольте откланяться. Я тороплюсь.

Он тронул лошадь каблуками сапог.

— Минуту, сеньор.— Дворянин и не думал уходить с дороги.

— В чем дело? — нахмурился Фернан.

— Мне поручили передать вам послание.

Едва заметное движение бровями.

— У вас ведь есть имение в Нарриа?

— Это допрос? — холодно бросил Фернан, положив руку на шпагу.

— Простите. Я забыл о вежливых манерах.— Едва заметный поклон, все та же ироничная полуулыбка.— Меня просили передать, чтобы вы на время оставили столицу и отправились в провинцию. Ночной воздух Эскарины иногда опасен для здоровья.

А вот теперь Фернан успокоился. Этих людей послали не его личные враги и не враги рода, затаившие кровную месть. Кто-то другой, со стороны, не знающий род де Суоза и лично Фернана. Иначе бы этот некто знал, что таким образом Фернана не напугать. Скорее всего, наоборот — подобные угрозы превращали невысокого блондина в упрямого, свирепого ирландского пса.

— Это угроза?

— Что вы! — Дворянин явно издевался.— Конечно же нет!

— И кто же попросил вас передать мне подобное предупреждение?

— Предупреждение? Вы меня не так поняли...

— Я вас понял так, как мне было угодно! — отрезал Фернан. Он был уверен, что живыми их вряд ли отпустят и после

разговоров дело дойдет до клинков. Для предупреждений не посылают столь хорошо обученных людей.— Если вашему хозяину угодно поговорить, он знает, где меня найти. С его псами я бесед вести не намерен! С дороги, любезнейший, или моя лошадь станцует на ваших костях ральведу!

Это было намеренное оскорбление.

— Клянусь Искусителем, вы выслушаете меня до конца, сеньор невежа! — Лицо дворянина оставалось спокойным, лишь голос стал выше.

Великан, стоявший рядом с собеседником маркиза, обнажил клинок. Те, что находились позади Бето, поступили точно так же.

— Иначе...— между тем продолжил незнакомец.

Фернан слушать не стал. Он вполне мог догадаться, что последует за этим «иначе», и что есть силы всадил шпоры в лошадиные бока. Еще была возможность прорваться и избежать схватки, в которой у них с Бето против шестерых было очень немного шансов. А дальше все произошло за несколько ударов сердца. Не ожидавшая ничего подобного лошадь прыгнула вперед, и преграждавшие дорогу едва успели отскочить в стороны.

Из полумрака выскочил третий. Совна¹, зажатая в его руках, описала полукруг и ударила лошадь по ногам. Фернан успел выскочить из седла, прежде чем визжащее от боли животное рухнуло на мостовую.

Во время приземления сеньор де Суоза сильно приложился о землю левым боком. Не обращая внимания на разливающуюся по ребрам боль, вскочил, сорвал с себя плащ. Изящная серебряная застежка, упав на камни, жалобно звякнула. Фернан был зол — и прежде всего на себя. Он должен был предположить, что кто-то мог быть вооружен чем-то более грозным, чем шпаги и рапиры. За глупость пришлось расплачиваться лошадью. Несчастное животное с перерубленными ногами визжало на одной нескончаемой ноте и билось на камнях мостовой. Вооруженный совной воин подскочил к лошади и двумя отточенными ударами прекратил ее мучения.

— Хоть на том спасибо,— пробормотал Фернан, обнажая шпагу. В левую руку он взял дагу, все это время находившуюся

¹ С о в н а — алебарда, напоминающая выпрямленную косу.

в заспинных ножнах, под плащом.— Эта лошадь была мне дорога!

— И она погибла по вашей глупости! — Дворянин, стоявший шагах в пятнадцати от Фернана, тоже извлек оружие.

В воздухе сверкнула брошенная наваха, и человек, вооруженный совной, упал на колени. Нож торчал у него под лопаткой. Бето извлек из ножен чивону¹ и, спрыгнув с лошади, принялся поджидать, когда к нему подойдут те двое, что ранее перекрывали дорогу к отступлению. Слуга мастерски выбрал позицию, встав у стены и спрятавшись за животным, тем самым защитив себе спину и левый бок, и Фернан пока был за него спокоен. Нужно было позаботиться о себе.

Громила, дворянин и горожанин с кинжалом. Трое против одного. Хотя нет. Двое. Горожанину, как видно, совершенно не улыбалось выходить с зубочисткой против шпаги, поэтому он отступил в глубь улицы еще шагов на пятнадцать.

«Ну и Искуситель с ним!» — облегченно подумал Фернан.

— Этот недомерок мой! — Громила с рапирой наперевес бросился к де Суоза, опередив неспешно подходящего дворянина.

Здоровяк отсалютовал клинком, и в этот момент Фернан нанес быстрый укол. Он не собирался соблюдать приличия. Это был бой, а не дуэль, и отвечать на салют противника — значило упустить прекрасный шанс отправить врага на встречу с Искусителем. Маркиз де Нарриа никогда подобных шансов не упускал и был сторонником одного удара и короткого боя. Он не понимал, для чего некоторые играют со своими врагами словно кошки с мышью и тратят силы, рискуя получить рану, когда бой можно закончить, нанеся всего лишь один быстрый укол.

Руку пришлось вытянуть что есть силы — роста парень был отменного. Шпага пробила шею так и не окончившего салют громилы. Фернан быстро отскочил в сторону и повернулся к дворянину, краем глаза отмечая, что поверженный противник выронил рапиру и, схватившись за рану двумя руками, оседает на землю.

«Нашел когда играть в благородные игры!» — презрительно подумал Фернан.

¹ Ч и в о н а — разновидность рапиры с широким клинком и корзинообразной гардой.

— Это тебе за недомерка.

— Хороший удар, сеньор! — Дворянин уже держал в левой руке кинжал.

Фернан не ответил. За его спиной раздавался звон оружия и ругательства. Кажется, Бето пока вполне успешно сдерживал натиск врагов.

— И шпага отличная и несколько... оригинальная.— Дворянин стал в безупречную стойку и, вытянув правую руку, развернул ладонь так, чтобы острие его клинка смотрело Фернану прямо в лицо.

Фернан опять не ответил. Если этому господину не нравится, что у его шпаги волнистый клинок¹, — это его проблемы. Сидел бы дома и не лез в разговоры. Де Суоза церемониться с противником не собирался.

Несколько секунд кончики их шпаг едва касались друг друга. Никто не решался начать атаку. Наконец дворянин попытался отбить клинок «василиска» вверх и вбок и нанести укол. Фернан отшагнул назад, оказался вне досягаемости укола и парировал оружие дагой. Настала очередь «василиска» опробовать защиту дворянина. Все еще блокируя дагой шпагу противника, капитан нанес укол. Дворянин не двинулся с места, отбил кинжалом шпагу Фернана, отразив укол «наружу», и что есть сил пихнул Фернана ногой в живот. Нечто подобное де Суоза и ожидал, а потому проворно отскочил назад. Во время этого прыжка дворянин, не мешкая, нанес сильнейший рубящий удар Фернану в голову. Удар был «тяжелым», и де Суоза вновь пришлось отступить, используя для отражения падающего клинка скрещенные над головой шпагу и дагу.

Поймал, провернулся, опуская руки с оружием, и резко отмахнулся шпагой, разрывая дистанцию.

— Хорошо фехтуете, сеньор.

— И вы, сеньор. Продолжим?

Дворянин был хорош. Действительно хорош! На любой выпад Фернана он отвечал великолепной защитой и сразу же,

¹ В определенный исторический период шпага с волнистым клинком в Европе считалась запрещенным оружием, недостойным чести дворянина, ибо в схватках волнистый (пламевидный) клинок во время рубящих ударов или подрезов наносил очень страшные, плохо заживающие раны (эффект пилы). В некоторых войнах пленников, оказавшихся вооруженными таким оружием, казнили без суда и следствия, невзирая на звания и благородное происхождение.

не мешкая, переходил в стремительную атаку. Фернан полностью отдался фехтованию, на все остальное просто не хватало времени. Он не знал, из какой берлоги выполз этот парень, но его обучал мастер. Противники смотрели друг другу в глаза, и лишь их тяжелое дыхание и отчаянный звон оружия говорили о том, что сошлись они не на жизнь, а на смерть. Атака, защита, ударить в голову, закрыться, подставить дагу под несущийся в живот клинок, вытянуть руку, до боли выкрутив запястье, чтобы нанести укол в горло и тут же превратить его в финт и ударить в грудь с одновременным уколом дагой в плечо. И вновь неудача!

Ответная атака дворянина была стремительной. Он кинжалом отвел клинок Фернана вниз, и, прежде чем «василиск» успел поднять дагу, шпага противника сверкнула, прорываясь через мизерную брешь. Враг отскочил в сторону. Поначалу Фернан подумал, что его не задели, но спустя секунду почувствовал, что левую половину лица жжет огнем. Провел по щеке и с удивлением отметил, что перчатка потемнела от крови.

— Цените мое благородство, сеньор.— Дворянин, как и Фернан, тяжело дышал.— Я оставил ваш глаз целым! Как вам моя роспись? Думаю, для полного совершенства следует оставить точно такую же на вашей правой щеке. Этим мы сейчас и займемся!

— Хватит пустых разговоров, сеньор Никто! — прорычал Фернан.

Опять мелькание и звон клинков. На этот раз де Суоза успел увидеть удар, нацеленный ему в правую щеку, отразил шпагу дагой и быстро уколол дворянина в живот. Казалось, что в этом человеке сидит сам Искуситель. Враг шагнул вправо, заблокировал клинок кинжалом и сильно ударил своей шпагой Фернана по левому плечу. Де Суоза пришлось «войти» в противника и одновременно нажать на скрытую кнопку, находящуюся на рукояти даги. Сработала пружина, дага шелкнула, и ее лезвие раскрылось на три части. Именно на этот «трезубец» Фернан и поймал падающий клинок. Со всей поспешностью, дабы избежать тычка кинжалом, нанес горизонтальный удар шпагой поперек живота. Дворянин находился слишком близко, чтобы поставить блок, да и шпага его потеряла всякую подвижность из-за даги-ловушки. Сеньору Никто не оставалось ничего другого, как отскочить назад и, чтобы освободить

клинок, поднять и развести руки в стороны. Кончик шпаги Фернана лишь распорол камзол противника.

Как только дворянин приземлился и застыл в высокой стойке, больше приличествующей опытному тореадору, чем фехтовальщику, Фернан, воспользовавшись своим невысоким ростом, нырнул вниз и, превратившись в струну, нанес шпагой свой коронный укол. Если бы капитана «василисков» увидел его первый учитель фехтования, он бы как истинный ирениец восхищенно цокнул языком и воскликнул: «Bravo, mio chico! Perfectum ferite di prima! Perfectum!»¹. Старый мастер редко хвалил своих учеников, но этот удар действительно был совершенным. Быстрым. Опасным. Снизу вверх. И из того положения, в котором сейчас находился сеньор Никто, практически неотразимым. Шпага Фернана с быстротой молнии метнулась вперед и на два пальца вошла противнику в правую половину груди. Сеньор Никто вскрикнул, выронил кинжал и отскочил назад, зажимая рану левой рукой.

— Квиты! — усмехнулся Фернан.

Усмешка принесла с собой резкую боль. Кажется, рана, нанесенная «василиску» этим дворянчиком, оказалась достаточно серьезной. Пламя боли начинало бесноваться у виска и успокаивалось только где-то у нижней челюсти. Фернан представлял, какой у него, должно быть, ужасный вид. Вся левая половина лица в крови, которая капала на воротник и стекала по шее под рубашку.

— Ерунда! Это просто царапина! — Дворянин сплюнул кровью.— Я готов продолжать, сеньор!

Фернан, несмотря на боль, опять усмехнулся. У противника, вне всякого сомнения, задето легкое. Ну минута, ну две... больше он не продержится.

— Как вам угодно, сеньор. Ничто не доставит мне такой радости, как отправить вас на свидание с Искусителем.

Он активировал пружину, и три клинка даги вновь стали одним. Вдалеке послышались встревоженные крики и топот ног.

«Стража, как всегда, приходит поздно!» — подумал Фернан и быстрыми шагами направился к дворянину, чтобы теперь уж наверняка добить раненого. Но у того были другие планы.

¹ Bravo, мой мальчик! Великолепный восходящий укол из нижней позиции! Великолепный! (ит.)

— Боюсь, нам собираются помешать, сеньор.— Несмотря на ранение и сочащуюся сквозь прижатые к ране пальцы кровь, противник де Суоза все еще мог иронизировать.— Так что позвольте откланяться. Мы продолжим нашу занимательную беседу в следующий раз, и, уверяю вас, более плодотворно.

Дворянин толкнул оказавшуюся незапертой дверь ближайшего дома и с силой захлопнул ее в тот самый момент, когда «василиск» метнул дагу. Клинок застрял в дереве, и Фернан едва слышно выругался сквозь стиснутые зубы. Подобное стоило предугадать. Раз на улице не видно лошадей,— значит, у этих ребят есть совершенно иной путь для отступления. Ломать дверь дома, где скрылся сеньор Никто, не было ни сил, ни смысла. Сеньор де Суоза знал, что в подобных домах обязательно имеется выход на задний двор, с которого можно попасть в нескончаемый лабиринт узких городских улочек. Теперь врага не догнать.

Ну и Искуситель с ним! Фернан злорадно подумал, что сейчас разговорчивому сеньору-насмешнику гораздо хуже, чем ему. Жаль, что рана в легкое не оказалась смертельной, но шанс, что дворянин умрет, не успев найти хорошего лекаря, высок. Фернан искренне пожелал сеньору Никто до лекаря не добежать.

Звона клинков Бето и двух его противников больше не было слышно. Де Суоза обернулся. Слуга стоял, опираясь спиной о стену. Левая рука повисла безвольной плетью, правая зажимала рану в плече. У ног валялось двое покойников.

Фернан хмыкнул. Не повезло ребятам. Откуда же им было знать, что, когда маэстро Пито не мог прийти в дом маркиза, капитан «василисков» проводил тренировочные бои на рапирах со слугой и за прошедшие годы натаскал Бето в умении обращаться с клинком.

— Жив, бездельник?! — Фернан прижал ладонь к щеке, пытаясь остановить кровь.

— Да, сеньор! Руку задели, валаи!

Де Суоза направился к нему, перешагнув через мертвеца, в спине которого застряла наваха, и только тут вспомнил о человеке с кинжалом. Резко обернулся, вскидывая так и не убранный в ножны шпагу. Сутулый человек медленно пятился от него по улице. Крики приближающейся стражи раздавались за углом.

— Ну уж у тебя-то я спрошу, кто так хотел передать мне послание,— пробормотал Фернан и во весь голос заорал: — Стой, мерзавец!

Человек дернулся и резко взмахнул рукой. Фернан подумал, что в него хотят метнуть кинжал. Сработал инстинкт, и он отскочил в сторону. Это его и спасло. Убийца метнул не кинжал. «Василиск» скорее почувствовал, чем увидел, как нечто пронеслось мимо него и с грохотом ударило в дом, разнеся его вдребезги. Во все стороны полетели камни и ошметки того, что ранее было Бето и лошадь. Затем сеньора де Суоза накрыло теплой волной воздуха — и он потерял сознание.

*Traverse*¹

Ули открыл глаза и несколько минут лежал не шевелясь, привыкая к темноте и вслушиваясь в дыхание спящих. Рядом тихонько сопела младшая сестренка. Мальчик аккуратно соскользнул со старой невысокой кровати и осторожно, стараясь не шуметь, направился к двери. Половицы под босыми ногами предательски скрипели и грозились перебудить весь дом. На каждый протяжный скрип Ули болезненно морщился и замирал. Если из-за его ночного баловства проснется отец, то в лучшем случае он отделается подзатыльником, а в худшем— его ждет порка. Жители деревни, затерянной меж лесов Ведьминой гряды, что находилась возле самой границы с Андрадой, работали от рассвета до заката и краткие часы сна ценили на вес золота.

Возле двери спал большой старый кот. Он приоткрыл глаза, неодобрительно покосился на мальчика, раздраженно дернул кончиком хвоста и вновь задремал. Ули перешагнул через Разбойника, добрался до двери избы и тихонько выбрался во двор.

Несмотря на позднее и в общем-то достаточно теплое, если не сказать жаркое лето, на улице было свежо. Ежась от ночной прохлады, Ули натянул рубаху и направился к калитке. Возле нее, от нетерпения переминаясь с ноги на ногу, стоял Ери.

¹ Т р а в е р с (*фр.*) — термин, используемый в фехтовании. Необходимый отшаг/уход с линии атаки или же необходимое отступление.

Земля была холодной, но обувь Ули оставил в доме, и теперь до реки придется бежать босиком.

В курятнике кудахтнула сонная курица. Недалек тот час, когда пропоют первые петухи, начнет светать и деревня проснется. Первой конечно же встанет мать. Она выгонит коров из хлева, чтобы те присоединились к общему стаду деревни, за которым присматривает старый Джо-пастух. До этого времени надо вернуться, если Ули не хочет получить нагоняй и провести весь день, убирая хлев или таская воду, чтобы наполнить огромную дубовую бочку, что стоит на заднем дворе.

— Чего так долго? — прошипел Ери, когда Ули прикрыл за собой калитку и оказался на улице.— Я замерз!

— Отца боялся разбудить,— шепотом ответил Ули.— Пошли, что ли?

Черноволосый Ери поспешно кивнул, и двое мальчишек побежали по пустой деревенской улице. Звезды уже поблекли и горели не в полную силу, месяц побледнел, опустился к темным вершинам могучих елей, которые угрюмой стеной огораживали деревню от всего остального мира. Оставалось чуть больше часа до того, как ночного неба коснутся первые солнечные лучи. Они превратят темный бархат небосвода в аляющий шелк, и к этому времени стоит покончить с делами и оказаться в кровати.

Ери свернул с центральной деревенской улочки направо, побежал вдоль забора Карлоса-плотника. Разбойник — грозный пес Карлоса, всегда с лаем бросавшийся на любого чужака, сейчас лишь приподнял одно ухо и проводил детей сонным взглядом. Ули и Ери вот уже месяц прикармливали старого пса, чтобы тот не брехал.

За домом плотника начиналось заросшее широкими лопухами и высокой крапивой поле. Карлос был слишком большим лентяем, чтобы приводить свой участок земли в надлежащий вид. Узкая тропка вела прямо на невысокий холм. Шипя, когда особенно настырный лист крапивы жалил кожу, дети направились по заросшей тропинке. Один раз Ули громко ойкнул — острый камешек уколол ногу. Весь оставшийся путь до вершины холма мальчик прихрамывал и корчил болезненные гримасы. Достигнув цели, они остановились, посмотрели назад. Огонь горел лишь в доме, располагавшемся на самом дальнем краю деревни — у кузнеца.